

ВИТАЛИЙ ДУБИНИН и ТАТЬЯНА ВИНОКУРОВА

ВИТАЛИЙ ДУБИНИН

ЭТО СЕРЬЕЗНО и НЕСЕРЬЕЗНО

Авторизованная биография
бас-гитариста группы АРИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6
Д79

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

В оформлении книги использованы фотографии
из архивов *Виталия Дубинина, Татьяны Винокуровой и Евгения Стукалина*

В оформлении обложки использованы фотографии
Ивана Кобякова и Виктора Винокурова

В книге упоминаются следующие лица, внесенные Министерством юстиции РФ
в реестр иноагентов: А.В. Макаревич, М.Н. Козырев

Дубинин, Виталий, Винокурова, Татьяна.

Д79 Виталий Дубинин. Это серьезно и несерьезно. Авторизованная биография бас-гитариста группы «Ария» / Виталий Дубинин, Татьяна Винокурова. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 400 [32] с.: ил. — (Легенды русского рока).

ISBN 978-5-17-172763-5

Виталий Дубинин — рок-музыкант, композитор, бас-гитарист и бэк-вокалист группы «Ария», вокалист и басист проекта «Виталий Дубинин», автор множества песен, ставших культовыми, а также человек, любящий свое дело и преданный ему уже долгие годы.

«Это серьезно и несерьезно...» — особенная музыкальная биография. Это увлекательный и личный рассказ о творческом пути, жизни и упорной работе человека, навсегда вписавшего свое имя в историю отечественного хеви-метала. Множество историй и, в самом прямом смысле слова, приключений на страницах книги точно не дадут заскучать ни знатокам легендарного коллектива, ни тем, кто только начинает погружаться в мир музыки.

Татьяна Винокурова — музыкальный журналист, автор интервью и репортажей с метал-концертов. На протяжении многих лет пишет о деятельности самого Виталия Дубинина, «Арии» и других групп для журналов о рок-музыке «InRock» и «EQ-journal» и для рок-портала Headbanger.ru. С момента выхода первого сингла для первого сольного альбома Виталия Дубинина Татьяна освещает все события творческой жизни Виталия.

**УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6**

ISBN 978-5-17-172763-5

© Текст, фотографии. Виталий Дубинин, 2024
© Текст, фотографии. Татьяна Винокурова, 2024
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2025

Предисловие-рецензия

Предложение написать вступление к авторизованной биографии Виталия Дубинина я принял на удивление «без раздумий»: настолько уместным оно мне показалось.

Ну а в самом деле, почему нет?

Во-первых, я уже несколько лет работаю как с группой «Ария», так и непосредственно с героем этого повествования в самых разных сферах. Во-вторых, я являюсь большущим поклонником биографических книг и уже собрал весьма внушительную библиотеку. А это значит, что справлюсь на ура уже на этапе беглого знакомства с рукописью. Так думал.

«С» — самоуверенность.

Беглого знакомства не получилось.

С первых страниц эта история захватила меня целиком и полностью, и пока я не дошел до самого финала, оторваться или делать какие-либо выводы я даже не пытался. Мне было **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** интересно.

И дело не в том, что книга изобилует какими-то невероятными открытиями или умопомрачительными признаниями и фактами или, например, превращена в алко-нарко-триллер о выживании в мире рок-н-ролла, которые сейчас не редкость. Вообще нет. Поэтому все, кто ожидает нечто подобное, здесь такого не найдут. Вернее, при желании найдут или домыслят, но все это не выпячивается и не смакуется и уж тем более не является основой сюжета. Книга совсем про другое, и именно в этом-то и заключается ее прелесть. Искренности и жизненности зачастую здесь намного больше, чем в очередной «истории без купюр». Попробуйте убедиться в этом сами — это несложно, ведь у вас в руках легкая для восприятия, даже в чем-то простая история «парня из соседнего двора», который сумел стать настоящей легендой жанра, но до сих пор не хочет этого признавать и рассказывает про себя, словно немного стесняясь. А зря.

Эту книгу я, пожалуй, сравню с добрым советским фильмом. С таким, который без спецэффектов, супергероев и компьютерной графики запросто способен захватить все внимание и погрузить с головой в особенную

атмосферу, наполненную чем-то по-настоящему живым, но, увы, почти забытым. А тот факт, что вся эта «история про рок-металл» происходит где-то в заграницах, а совсем рядом, в понятном и знакомом месте — на соседней улице, в соседнем районе Москвы или в городе, в котором ты когда-то бывал, делает это погружение максимально «осязаемым», если можно так выразиться. Я сам при прочтении неоднократно ощущал, будто лично присутствую в том или ином описываемом месте — ну, или очень-очень похожих.

И в этом смысле особенно хочется отметить, что рассказчик из героя повествования получился просто отменный, равно как и соавтор этой книги — Татьяна Винокурова, которая и предложила саму структуру, а также записала и литературно оформила эту историю, придумала массу интересных вопросов и снабдила всеми необходимыми фактологическими дополнениями рассказ Виталия, не потеряв при этом его уникального повествовательного стиля. В итоге в тексте нет никакого перегруза или ненужного философствования, а невероятный объем информации, который был воспроизведен в памяти и изложен на ее страницах, и вовсе восхищает. Я бы так не смог...

Благодаря этому книга просто изобилует массой фактов и ситуаций, в том числе и из истории группы «Ария», но особенно важно, что читателю совершенно не обязательно быть поклонником или знатоком легендарного коллектива, чтобы провести не один час за увлекательнейшим чтением рассказа о жизненном пути одного из главных его участников.

Игорь Jeff Поляков

Предисловие

В мои жизненные планы совершенно не входило написание книги о себе любимом. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что не обладаю ни литературными способностями, ни опытом, которые помогли бы мне в этом. Кроме того, основные вехи моей творческой биографии широко известны кругу поклонников группы «Ария» по многочисленным публикациям, проливающим или, наоборот, приглушающим свет на запутанную историю нашей группы...

И все же я решился на это. Почему? Прежде всего, для самого себя — это как способ «вспомнить все», потому что с годами события прошлого либо стираются из памяти, либо трансформируются так, что потом все сложнее и сложнее выстроить упорядоченную и непрерывную линию происходивших с тобой на протяжении всей жизни событий.

А во-вторых, еще и потому, что я часто размышляю над тем, почему в детстве и юности не удосужился подробно, насколько это возможно, узнать истории жизни моих предков, а когда понял, что мне это реально интересно, спрашивать-то, собственно говоря, было уже и не у кого... Поэтому я все-таки хочу рассказать о том, что пока еще помню, чтобы описанная ситуация не повторилась с моими детьми и внуками.

И, конечно же, я очень благодарен Татьяне Винокуровой, моему соавтору, с которой нас связывает работа над большим количеством интервью и репортажей об «Арии» и о моем сольном проекте. Именно ей принадлежит идея написания этой книги. Наверное, здесь надо сказать, что это оказалось очень неожиданным для меня — я терзался сомнениями и долго не мог решить, стоит ли соглашаться на подобную авантюру... Но все было совершенно не так: как уже говорил, для себя я понял, что мне нужно это сделать, но один я вряд ли справлюсь, и поэтому где-то в глубине души ждал подобного предложения. И очень рад, что не ошибся!

Виталий Дубинин

ГЛАВА 1. ДЕТСТВО

*«Я многое помню про детство.
И про то, как начав с The Beatles,
я пытался стать знаменитым...»*

Этими словами Пола Маккартни (*«Правила жизни сэра Пола Маккартни»*, журнал *Esquire*), кумира Виталия Дубинина, можно начать рассказ и самого Виталия о своих детских годах. Из множества его интервью известно о том, что Виталий родился в семье летчика, жил во Внукове и мечтал стать космонавтом, а в своей первой в жизни музыкальной группе — еще в школе — играл на барабанах. Однако при написании этой книги я узнала о том, сколько еще интересных и важных событий, во многом определивших дальнейшую судьбу Виталия, произошло в его детские и ранние юношеские годы. О том, как музыка — и прежде всего музыка легендарных The Beatles — повлияла на его становление как музыканта и на мировоззрение в целом. И Виталий не только хорошо помнит подробности своего детства, но и чрезвычайно увлекательно рассказывает о них.

Я родился 9 октября 1958 года в Москве, в роддоме в Песчаном переулке, неподалеку от станции метро «Сокол». Вообще, мои родители не были москвичами, просто мама предусмотрительно приехала к своей двоюродной сестре, живущей на этой улице, рядом с роддомом, чтобы, когда все начнется, не терять времени и не пропустить главный момент. Как она потом рассказывала, мое рождение оказалось под большим вопросом...

Дело в том, что во время родов пуповина обвилась у меня вокруг шеи, а это грозило смертью новорожденному.

Сообщив об этом факте, врачи развели руками: сказали, что ничего не могут сделать и ребенок умирает. Мама потом вспоминала, что был солнечный день, палату заливал яркий свет, а она лежала, не чувствуя боли, и плакала. Но чудо все же произошло: на наше счастье, в палату зашли два молодых энергичных врача и, не теряя времени, приступили к родовспо-

Август 1959 г.

можению¹, заставив-таки меня появиться на свет. И хотя я задышал только через минуту, все разрешилось благополучно.

Мой отец, Алексей Павлович Дубинин, был пилотом гражданской авиации во Внуковском авиаотряде, а мама, Нина Петровна, начинала свой трудовой путь медицинской сестрой в МОНИКИ². В то время набирали стюардесс с медицинским образованием, и вскоре мама стала сотрудником правительственного авиаотряда, который тоже базировался во Внукове.

Как и при каких обстоятельствах познакомились мои родители, я не знаю, но думаю, что это случилось именно благодаря их работе в «Аэрофлоте». В декабре 1957 года они поженились, а в октябре следующего года уже появился я. Своей жилплощади у молодой семьи тогда не было, поэтому жили у родителей отца — у моего деда в городе Троицке, который и городом-то тогда не назывался. Туда меня привезли сразу после рождения, и мы прожили там целых два года.

Ничего о том времени сам я, конечно, рассказать не могу, но кое-что знаю по рассказам мамы и бабушки. Например, историю моего крещения. Тогда в гости к нам приехала моя вторая бабушка, мамина мама. Обе бабули решили, что негоже мальчику быть «нехристом», а мама особо не сопротивлялась. Отцу они не сказали ни слова. Деду удалось договориться с местным священником, чтобы тот приехал и окрестил меня прямо на дому, а не в церкви. В означенный срок дед нагрел два ведра воды, посреди комнаты с иконами поставил корыто, и все стали ждать батюшку, который приехал, как мне говорили, с большим опозданием на автомобиле ЗИМ — а это все равно что сейчас он бы прибыл, например, на Porsche Cayenne. Умеют эти ребята жить! Крестных у меня тоже как таковых в тот момент не было, ими стали как раз обе бабушки. Потом для церкви мне придумали «официальных крестных» — одной из них стала мамина подруга, тоже Нина Петровна. И она действительно оказалась для меня по-настоящему близким человеком, я искренне считал ее нашей родственницей. В конце обряда крещения, который надо мной совершали в теплой ванне, я — наверное, от удовольствия — напоследок обдал струей батюшку (*то есть, говоря по-простому, описал его*). На этом обряд закончился, и «раб Божий Виталий» был принят в лоно церкви. Отец же узнал, что меня крестили, лишь через несколько лет.

Еще помню, как бабушка рассказывала про мои приключения. Мы жили в частном доме — у деда в Троицке был собственный дом и большой участок. И один раз я залез по лестнице на крышу и тихо там сидел, пока бабушка меня не хватилась и не начала повсюду искать. Случайно вскинув

---

¹ Родовспоможение — это комплекс акушерско-гинекологических мероприятий, проводимых при родах и в послеродовой период, к методам которого относятся стимуляция родовой деятельности и оказание помощи в извлечении плода.

² Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. М. Ф. Владимирского.

взгляд, она обнаружила мое укрытие и чуть не лишилась рассудка, но тем не менее нашла в себе силы не паниковать и со словами: «Витааалик! Как высоко ты забрался, а я тоже так хочу! Подожди, не ходи никуда, сейчас я к тебе заберусь!» — кряхтя, кое-как залезла на крышу и сняла меня отсюда.

Еще одно воспоминание, не мое, но рассказанное мне много раз: у деда были ульи — не целая пасека, а несколько штук, восемь или десять. И он водил меня к ним. Подойдет вместе со мной к улью, постучит палочкой, вылезет пчела, и дед показывает на нее и говорит: «Видишь? Это сторож!». И мы шли дальше. Один раз меня тоже потеряли, а потом смотрят: Виталик сидит около улья, долбит по нему палкой, а улей уже весь черный от пчел — весь рой, наверное, вылез наружу! Как они меня не сожрали, я не знаю. И мама вспоминала, что я сидел, глядел на все это и говорил: «Хоки (сколько) пчел!». Короче, мне очень повезло!

Потом, после двух лет проживания в Троицке, мы перебрались в коммуналку во Внукове, где я прожил лет до шести. Беззаботное время! В детский сад и ни в какие кружки я не ходил: мама не работала и целиком и полностью сама занималась моим воспитанием, обучая меня чтению, письму и прочему. Отец же все время летал, и свободного времени у него было крайне мало. Лет с четырех меня стали отпускать гулять одного, и, хотя я был достаточно послушным ребенком (*мама сама так говорила*), когда появилась возможность исследовать не только детскую площадку, но и близлежащие дворы, сараи и гаражи, я с азартом этим воспользовался. Вследствие того, что тотального родительского контроля на улице не было, мы с друзьями постоянно лазили по окрестностям и как-то умудрялись — не знаю как, по правде говоря, — не сломать себе шею, не утонуть или что-нибудь не покалечить, хотя возможностей для этого существовало предостаточно.

Когда мне стукнуло шесть или около того, я первый раз в компании таких же пацанов совершил путешествие в сам аэропорт Внуково, который, замечу, был достаточно далеко от дома, где мы жили, — примерно в километре от нас. А для шестилетнего пацана это все равно что в другую страну съездить, как мне кажется. Уже точно не скажу, как мы туда попали, но помню, что в здании аэровокзала мы увидели киоски, где продавался мармелад, необыкновенно соблазнительные конфеты — все было так красиво, и так хотелось это попробовать! Мы, совершенно как в романе Ильфа и Петрова «12 стульев», подошли к прохожему — не знаю, мужчине или молодому парню, ведь нам тогда все взрослые казались мужиками, — со словами: «Дядь, дай 10 копеек!». Наше нахальство было вознаграждено, нам насыпали мелочи, на которую мы купили себе конфет и попили водички за 3 копейки в автомате — красота, да и только! Ну, и бродили мы там долго, не знаю, как нас не забрали в милицию. И когда вернулись домой, — уже в сумерках, на дворе стояла поздняя осень и темнело рано, — я понял, что меня ищут по всем дворам и наказания не миновать. Нет, меня

1963 г.

не отлупили, но устроили основательную выволочку, даже пригрозили, что сдадут в милицию и вообще отправят куда подальше, а кроме того, запретили гулять на ближайшее время. В общем, мне это надолго отбило охоту посещать аэропорт Внуково и совершать иные подобные путешествия.

21 августа 1963 года у меня родился брат Игорь, соответственно, разница у нас — почти полных пять лет. Как ни странно, я хорошо помню, как мы забирали Игоря из роддома. На выписке была моя крестная Нина Петровна, и еще присутствовала соседка из коммунальной квартиры. Туда мы поехали на автобусе — это было в Москве на Ленинском проспекте. Отец не забирал из роддома своего второго сына, поскольку находился в то время в полете. Летчики вообще очень много летали летом и практически никогда не были дома. И я помню, как крестная меня подтолкну-

Троицк, 1964 г.

ла и сказала: «Вот мама вышла, иди отнеси ей букет!». Я вручил ей букет, а нам передали сверток, где был мой брат. Назад мы привезли их с мамой на такси.

Пять лет — это существенная разница. Помню, что, когда он (*брат*) был совсем маленьким, мама иногда меня оставляла с ним, если собиралась куда-то уйти. Я, как и рассказывал, не ходил в детский сад, а брата отдали с трех лет в младшую группу. Иногда я забирал его, то есть мама меня посылала в детский сад и мне его «выдавали», я его одевал, и мы шли домой — хорошо помню это. Я помогал ему по просьбе мамы в домашних заданиях по математике, потом, когда он стал постарше, — по физике. Сам я делал это не очень охотно. Ну, и подзатыльников он от меня очень много получал — как же без этого!

С братом Мишей, 1965г.

Тогда же, в 1963-м году, после рождения брата, мы переехали в отдельную двухкомнатную квартиру. Как говорится, жить стало лучше, жить стало веселее! Дом был большой, и вокруг оказалось полным-полно ребят-ровесников — приблизительно все были одного и того же возраста. Конечно, сразу сложились дворовые компании. Как мы тогда развлекались? Гоняли в футбол на всех полянах, играли в хоккей — причем порой даже не на специально залитой площадке (*да и ни о каких коньках сначала не было и речи*), а просто на проезжей части ставили два ящика, обычно немножко сломанных. Их всегда можно было найти около магазинов — это тара, в которой привозили продукты, и, соответственно, у каждой торговой точки их валялось великое множество. И вот ставишь ящики — это были ворота — на расстоянии 20–30 метров друг от друга, и гоняешь шайбу прямо на дороге.

В общем, мы в полной мере являлись детьми улицы, потому что дома, собственно, и делать-то было нечего: сделал уроки — и быстро гулять! Ни-

каких особых детских фильмов и передач не существовало, только по воскресеньям шла программа «Выставка Буратино» или один раз в день показывали мультфильм на 15–20 минут. И на этом все! Поэтому мы пропадали на улице до вечера, до того момента, когда нам кричали прямо из окна: «Виталик (или, скажем, Сережа), домой!». После призывов родителей мы расходились по домам — не очень охотно, потому что всегда хотелось погулять еще. И сейчас я думаю о том, что никому из родителей и в голову не приходило даже, что с детьми может что-то случиться: что их похитят или еще что-то страшное произойдет. Время тогда было золотое, как мне кажется, беззаботное и безопасное.

В нашем детстве, по-моему, все дети хотели стать космонавтами, потому что в 1961 году всем известное событие — полет Гагарина в космос — происходило фактически у нас на глазах. В связи с этим у множества людей возник неимоверный энтузиазм, а у детей, конечно, появилось желание стать покорителями космоса, что, наверное, культивировалось и взрослыми тоже.

Я жил во Внукове на улице Космонавтов, а впоследствии ее переименовали в Большую Внуковскую. Помню, как-то мы втроем или вчетвером с ребятами играли во дворе (*это был примерно 1964 год, я еще не ходил в первый класс*), и к нам подошел какой-то человек с фотоаппаратом. Он нарисовал на асфальте мелом ракету и спросил: «Нравится?». Наверное, нам понравилось, не помню, что конкретно мы ответили. Он нас усадил вокруг этой нарисованной ракеты и сказал: «Сделайте вид, что это вы ее рисуете». И мы делали вид, сидя на корточках вокруг. Он нас сфотографировал, и я помню, что как раз в этот момент обернулся и посмотрел на него. Недели через две мама принесла газету, где красовалась наша фотография (*наверное, там была и какая-то заметка*) и над фото было написано: «Дети с улицы Космонавтов играют в космонавтов». Оказалось, что этот мужчина был из газеты — не местной внуковской, а что-то типа «Вечерней Москвы»¹. Вот так я попал в городские хроники.

Увлечение космонавтикой у нас было в основном до школы, максимум года до 68-го. Мы сами много играли в космонавтов, рисовали ракеты и даже строили их из снега. Причем не так, как лепят снеговиков, а делали из ящиков каркас, в который можно было залезть, а сверху облепляли его снегом, и так получалась настоящая ракета. А если снова забегать вперед, то отмечу, что после института я работал в НИИ, который занимался именно космонавтикой, так что кое-какие связи с ней так или иначе остались и в дальнейшем.

Осенью 1965 года я пошел в первый класс. Во Внукове было две школы — тринадцатая и сорок первая, которую в том году только открыли, и мы стали первым даже еще не выпуском, а только «запуском» для этой школы. Не могу сказать, что мне очень понравилось учиться, но все предметы, которые на тот

---

¹ «Вечерняя Москва» — ежедневная городская столичная газета.

момент у нас были, — арифметика, письмо, чтение, труд, чистописание, — давались мне легко (за исключением, наверное, только чистописания). В целом учиться оказалось даже интересно — конечно, это еще зависело и от учителя. Моя первая учительница Нина Алексеевна Назарова увидела во мне и еще в одном ученике большие способности к арифметике и после нескольких уроков выдала нам учебники для второго класса. Дальше мы занимались именно по ним. То есть шел обычный урок, только все решали одни примеры, а она подходила к нам и говорила: «А вы вот это решаете», — и давала нам задание из учебника для второго класса. Мы были очень горды и чувствовали себя неимоверно крутыми, потому что все смотрели на нас с завистью и уважением. Но за это, опять же, спасибо маме, потому что она очень много занималась со мной перед школой, и если бы я ходил в детский сад вместо этих домашних занятий, то вряд ли бы достиг таких успехов.

Таким образом, первые три года начальной школы мне очень нравилось ходить на уроки, пока у нас была эта учительница. Мне кажется, я был у нее в любимчиках, потому что после родительских собраний мама говорила, что учительница хвалила меня. Но и доставалось мне тоже от нее порой: если я косячил, спуска она мне не давала. Как-то мы писали контрольную работу по арифметике. А тогда делали это перьевыми ручками, которые окунали в чернильницу-непроливашку: в парте была дырка, в нее вставлялась эта чернильница-цилиндрик небольшого размера, и туда нужно было

1 класс, 1965 г.

1 класс, 1965 г.